

Дмитрий Маньков

Предел страданий

Дмитрий Маньков

Предел страданий

<https://litres.ru/74416032>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов о точке невозврата. О том, как хрупкая ткань реальности рвется в одну секунду, оставляя человека один на один с эхом катастрофы. Герои этих историй пытаются выжить не физически, а ментально — справляясь с вторжением пустоты, преодолевая призраков прошлого и учась дышать, когда легкие сжаты тисками горя.

Это исследование посттравматического роста: путь от онемения к боли, от боли — к принятию, а иногда — к безумию. Честно. Больно. Освобождающе.

Дмитрий Маньков

Предел страданий

Глава 1

Люди говорят, что время лечит...

Какой бы ни была твоя рана, как бы сильно она не болела, какой бы безысходной не казалась твоя жизнь – время лечит.

Если тебе изменили – время лечит.

Даже если тебя предали – время, все равно, лечит!

Оно всегда лечит.

Но не всё...

Кто объяснит любимому другу семьи, Шарик, что единственные и самые дорогие ему на всем белом свете люди ведут своего преданного стража в клинику, уже не собираясь возвращаться вместе обратно. «Он прыгнул на ребёнка!» - говорят они. «Он опасен!» - говорят они. «Его надо усыпить» - говорят они. А Шарик бежит весёлый, радостно хвостом машет. Шарик очень любит прогулки. Особенно, если его выгуливают всей семьёй. Вот как сейчас. Шарик счастлив!

Маленького Лёшку несут на руках – он сильно напуган. Лёшка никогда не ждал от Шарика чего-то подобного. Он не понимает, почему вдруг его лучший друг бросился на

него. Лёшка больше не хочет играть рядом с собачьей будкой. Лёшка плачет всю дорогу и рассеянно косится на Шарика. Шарик весело гавкает, замечая его взгляд. Лёшка вздрагивает и отворачивается, пряча лицо в папино плечо. Слезы страха, слёзы обиды, слёзы первого детского настоящего разочарования впитываются в рубашку отца. Лёшка еще крепче обхватывает папину шею. Ему обещали, что Шарик больше никогда не будет на него кидаться.

Отец Лёшки с грустью поглаживает сына и рассеянно косится на бегущего рядом пса: «Никогда ни на кого не бросался, не кусал. Всегда был дружелюбным и добрым – т вот тебе! Кинулся. Облаял. И как только укусить не успел?». Шарик ловит взгляд отца семейства, радуется, хвостом машет, тычется носом под колени, как обычно всегда это делает, когда хочет играть. Ну, ничего не выдает следов былой агрессии. Как всегда – дружелюбен. И, подумать только! Бросился! Еще и на ребёнка!

Наташа, Лёшкина сестрёнка, судорожно всхлипывает и начинает реветь. Шарика ей подарили на день рождения, когда только семь исполнилось. Наташа каждый день играла с ним по несколько часов к ряду, мыла его, причесывала. Подружкам всё время хвастала, какой у неё замечательный, умный, веселый и послушный пёс, как весело с ним гулять, играть в догонялки. Наташа сжала сильнее крохотные кулачки: «Шарик едва не ушиб Лёшку – он опасен!» - так папа сказал. «С ним нельзя больше играть. Его нужно усыпить. Это никак

не вылечить. Раз уж бросился на ребенка – то всё. Гнилая порода». Наташа вздрогнула, почувствовав прикосновение к своей руке влажного носа. Такое осторожное, такое заботливое, такое знакомое... по привычке было потянулась почесать за ухом, но опомнилась. Одёрнула руку.

Шарик издал протяжный звук разочарования. «С ними что-то происходит» - думал он, скача вокруг своей семьи. «Они словно грустят о чем-то. Только о чём?»

И только когда ветеринар взял его, Шарика, за ошейник, а Лёшкин папа присел рядом и прошептал: «Не обижайся...», он всё понял. Семья грустит о нём. О нём – Шарике! О своем лучшем друге и верном хранителе! Они же отдают его! Навсегда отдают! Он что, больше не увидит Лёшку? Не побежит с ним наперегонки? Отец никогда больше не поиграет с ним в мяч? Мама больше не поведет его вечером на прогулку? Никто не почешет ему за ушком, как умела делать только Наташа? А кого ему тогда защищать? Чей покой хранить? Как он без них? А как они без него? КАК!

Шарик даже сопротивляться не пытался – лишь смотрел на них с надеждой. Может ждал чего-то? Ни Лёшка, ни Наташа – никто из них никогда не сможет забыть его последний взгляд. Обида? Нет! ТОСКА! Тоска, горе, безысходность, боль...

Столько всего было в этом взгляде. Казалось, не каждый человек способен так чувствовать. Столько эмоций и ни капли ненависти, ни крохи обиды или разочарования.

Потом Шарика увели.

Лёшка больше не заплакал – ни разу. Ни по дороге домой, ни после – вообще больше не плакал. И разговаривать не хотел. Отказывался. Наташа переживала сильнее, но меньше. Но той очаровательной и жизнерадостной улыбки, которой она всем вокруг с легкостью поднимала настроение, больше никто так и не увидел. Ещё не скоро она вновь научится радоваться жизни так свободно и искренне.

Позже, вечером, отец семейства, вероятно решив не откладывать дело в долгий ящик, собрался убрать со двора будку. Ему и в голову не могло прийти, что ее вообще придется убирать. Да еще и так скоро. Внутри что-то предательски заныло. «Так надо» - успокаивал он себя мысленно, как и много раз до этого. Чтобы отвлечься, он поискал взглядом вокруг будки, на чем можно сосредоточить внимание. Нужно было себя как-то отвлечь. На глаза попался, лежащий рядом кусок кабеля. Весь в грязи, перебитый чем-то вроде лопаты с одного края, а с другого...

У отца семейства все похолодело внутри. Другим своим концом кабель тянулся прямо к силовому щиту. Дрожащими руками он поднял кабель и, поплевав на палец, проверил, есть ли на нём напряжение.

Пугающая мысль еще не до конца сформировалась в голове, когда кабель выпал из его вмиг обмякших рук.

И ведь лежал прям о рядом с будкой. Рукой подать.

«Никогда ни на кого не кидался, никого не кусал, всегда

был добрым и игривым, очень преданным и – вот тебе! Бросился, облаял, до слёз довел. И как только укусить не успел?»

Провод!

Под напряжением!

Прямо рядом с будкой!

Под напряжением...

Провод он, конечно, отключил. А вот будку убирать не стал. Даже убирал вокруг постоянно. На вопросы «Зачем?» просто неловко пожимал плечами. И никогда больше вслух об этом не говорил. Он вообще старался никогда не вспоминать тот мрачный день и свою глупость. Только как забыть тот полный боли и непонимания взгляд Шарика, который как умел, защищал детей от опасности, а заплатил за это своей жизнью.

«Шарик едва не ушиб Лёшку – он опасен!» - так папа сказал. «С ним нельзя больше играть. Его нужно усыпить. Это никак не вылечить. Раз уж бросился на ребенка – то всё. Гнилая порода»

Порой мы не способны простить даже самым близким людям поступки, которые понять не в силах. Даже если они делаются нам во благо...

Конец.

08.03.20006г

г. Курск